

Слом больших идеологий, как одна из вводных аксиологического кризиса современности

Научный руководитель – Михайлова Наталья Вячеславовна

Тищенко Ростислав Романович

Студент (бакалавр)

Российский университет дружбы народов, Факультет гуманитарных и социальных наук,
Москва, Россия

E-mail: killer.992013@yandex.ru

Последние тридцать лет обернулись для всего мира временем краха масштабных идеологических систем или метанарративных проектов. Невозможность поддерживать постоянство и стройность идейно-теоретического порядка привела к тому, что все державы и политические акторы начали в своих аксиологических программах декларировать плавающий котёл различных концепций. Мало для кого окажется неожиданностью, что нынешние, ставшими традиционными, политические элиты, формы взаимоотношения власти и общества, методы и инструментарий по конструированию или реновации социокультурных пространств в странах, преимущественно, неолиберальной модели западной демократии, начинают буксовать, в некоторых западных государствах, таких как Франция, Великобритания, Испания, Греция, Нидерланды, систематические ошибки их государственных режимов всё больше рискуют начать перерастать в кризисные. Ещё два года назад, в своей курсовой работе, я писал о том, что социальные потрясения, постепенно, с новой силой будут захлёстывать земной шар, как и тенденции общественных настроений, ориентированных на обновление, реформацию политических систем, радикализацию народных и поляризацию политических интенций. И вот что можно увидеть из произошедшего за эти годы, рост правых и радикально правых партий практически по всей Европе, рост политического насилия, победа ультраправой коалиции на выборах в Италии, победа коалиции правых и ультраправых в Финляндии, победа либертарианского радикала на выборах президента в Аргентине. В связи с этим, хотелось бы понять, каким образом коллапс идеологий, перешедший в необратимую фазу после слома биполярного мира, стал главной предпосылкой распада ценностно-ориентированного индивида в культурно-политическом контексте.

Если провести линию, на которой можно отследить корреляцию форм легитимации властных отношений и трансформацию доминирующих ценностных ориентиров, то можно в общей форме обнаружить природу возникновения конфигураций социокультурных пространств в разные эпохи и в разных местах. Так, придя к началу 20 века, можно заметить, что стык человеческого развития, выраженный в неоконченном переходе от феодализма к капитализму и неравномерности формирующейся глобальной экономической модели рыночной экономики, вызвал каскад кризисов во всех уголках земного шара, который было необходима умирять некими новыми инструментами, которые бы проявляли наибольшую эффективность в сфере мобилизации, направления, умирения и социального инжиниринга масс. Подъём радикализма, успешная деятельность партий трудящихся по всему миру, и Великая Российская революция показали важность целостного идеологического проекта в контексте способности успешно руководить массовидными процессами, что было важно в условиях ушедшей модели религиозной или монархической организации.

(Валлерстайн, считавший, что в 19 век возникли первые полноценные идеологии либерализма, консерватизма и радикализма, как мне кажется напрасно разделил их, исходя из

всего лишь двух критериев: взгляда на отношение скорости смены институтов и устойчивости политической системы; эффективности внедрения новых институтов в общественный организм, что очень расплывчато.)

Возникшая угроза утери электората и контроля над массами, желание сохранить формирующиеся порядки капитализма и избежать острой конфронтации, выявили нужду формирования противоположной устойчивой идеологической платформы, основанной на либерально-демократических, буржуазных ценностях. Более поздно начнут своё формирование и идеологии антиколонизального национализма, фашизма, третьего пути и прочие. В результате борьба режимов на компасе идеологий в международном контексте помогала устоять современной формирующейся многогосударственной системе. Однако, эти же самые идеологии стали и тормозящим фактором, как развития мировой системы, так и успешной кристаллизации главенствующего политического класса, непрерывного накопления и концентрации власти. Дело в том, что сложившиеся строи, из-за быстро меняющихся условий и специфики реальности, не успевали за темпами общественных изменений, что приводило к невозможности оперативного отклика на низовые запросы по созданию новых рецептов решения накапливающихся противоречий.

Борьба идеологий, легитимировавшая власть политических групп, в итоге стала главной причиной невозможности перехода к более прогрессивной системе организации межгосударственной системы, что не позволяло элитам эффективно организовывать массы и вести их по выбранному курсу, поскольку стоял вопрос о главенстве одной из больших ценностно-политических теорий. Победа в битве систем должна была определить элиты, которые должны были оказаться в рессентименте власти и на её верхушке. Социалистическая система, в конце концов, под давлением обстоятельств и масс, оказалась проигравшей.

Раздвинув границы биполярного мира, либерально-демократическая система фактически устремилась к созданию однородного мирового пространства. В условиях быстро меняющегося мира это давало возможность истеблишментам более эффективно перестроить свой строй и сделать его более пластичным и гибким, опираясь теперь на принципы абсолютного популизма, многовекторности и синкретизма. Таким образом, в последствии, через государственные рычаги и диалог с частными агентами в гражданском обществе и бизнесе, произошло формирование нового социально-экономического пространства, характеризующегося хаотичным экономический базисом и эклектичной, непоследовательной сплавкой атомизированных ценностей и идей в надстройке, которые стали одним из столпов начала обнищания и кризиса аксиологии, перетекающего в убыль социального капитала в глобальном контексте.